

вательно фундирована определенными «теоремами существования», экзистенциальными допущениями, без которых она становится непонятна.

Итак, специфика понимания органического мира раскрывается Кантом не только в общефилософском плане, но и с логической стороны. Принцип аналогии — вот что присуще мышлению о живых системах. Принципиальная новизна аналогии в кантовской телеологии заключается в том, что она перестает мыслиться как способ доказательства и приобретает статус эвристического приема изучения органических существ. Организация последних позволяет использовать ее в качестве средства для открытия закономерностей строения и функций биологических систем. Эта идея является плодотворным вкладом Канта в методологию науки.

¹ Корнилов С. В. Эпистемологические предпосылки кантовского учения об органической природе в «Критике чистого разума»//Кантовский сборник: Сб. науч. тр./Калинингр. ун-т. Калининград, 1991. Вып. 16; Его же. Эпистемологический статус понятия целесообразности у Канта//Кантовский сборник. Калининград, 1990. Вып. 15.

² Юм Д. Соч.: В 2-х т. М.: Мысль, 1965. Т. 2. С. 465.

³ Там же. С. 466.

⁴ Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 431.

⁵ Karja H. Neurgistische Elemente der Kritik der teleologischen Urteilskraft. Heidelberg, 1975. S. 114.

⁶ Уотерман Д. Руководство по экспертным системам. М.: Мир, 1989. С. 26.

⁷ Takeda S. Kant und das Problem der Analogie. Den Haag: M. Nijhoff. 1969. S. 111.

И. Кант и эволюционная теория познания (основные аспекты соотношения)

И. Г. РЕБЕЩЕНКОВА

(Горный институт им. Г. В. Плеханова, Санкт-Петербург)

Трудно назвать какую-либо теоретико-познавательную систему в философии двух последних столетий, не испытавшую на себе в той или иной степени, в том или ином отношении влияния кантовского учения о познании. Не является исключением в этой связи и современное междисциплинарное направление с явно выраженной философской проблематикой — эволюционная теория познания¹.

Эволюционная теория познания включает в себя целую совокупность своих модификаций, объединенных одним общим признаком — применением в отчетливом виде эволюционной идеи для осмысления человеческого познания. Причем необходимо отметить то обстоятельство, что в отечественной литературе эта теория представлена и рассматривается в большей степени как направление в философии науки, то есть как такой ее вариант, в котором эволюционная модель применяется для исследования

процесса развития научного познания. В таком плане эволюционная теория познания разрабатывается, как известно, К. Поппером, С. Тулмином, Д. Холтоном и др.

В значительно меньшей степени в нашей литературе — научной и философской — представлен иной вариант эволюционной теории познания, именно тот, в котором, главным образом, исследуется проблема происхождения и исторического развития познавательных способностей человека (по терминологии самих представителей этой теории — «когнитивного» или «рациоморфного аппарата», присущего человеку и обеспечивающего познавательный процесс, делающего этот процесс возможным².

Основоположником этой ветви, эволюционной теории познания, по общему признанию, является известный мыслитель XX века, австрийский ученый-этолог и философ, лауреат Нобелевской премии — Конрад Лоренц (1903—1989)³. Еще в 1941 г. в одном из немецких философских журналов появилась статья К. Лоренца, в значительной мере определившая перспективу эволюционной теории познания и содержащая в себе конкретно-научное обоснование кантовской гипотезы о существовании априорных форм человеческой познавательной деятельности — «Учение Канта об априоризме в свете современной биологии»⁴.

Говоря о такой ключевой проблеме кантовской философии, какой является проблема сущности познавательных способностей человека, иначе — его познавательного аппарата, а также — и о ее более конкретной форме — вопросе о существовании априорных форм чувственности и мышления, — нельзя не учитывать одного важного обстоятельства. Дело в том, что «Критика чистого разума» — книга, в которой И. Кант скрупулезно и систематически изложил свои теоретико-познавательные воззрения, была задумана (по признанию самого И. Канта и по мнению исследователей его творчества) в 1772 г., подготавливалась и появилась в 1781 г. — задолго до публичного изложения основных положений теории эволюции Ч. Дарвином в работе «Происхождение видов путем естественного отбора» (в 1859 г.). Характерно, что эволюционная идея в последующие десятилетия не только активно обсуждалась многими учеными, но и также активно внедрялась в различные области научного знания, применялась для описания и объяснения механизмов развития различных объектов органического, а затем неорганического и социального миров. Однако в гносеологию эта идея проникла заметно позже, чем в другие сферы научного познания. Возможно, это связано с традиционной, укоренившейся достаточно прочно в процессе многовекового развития умозрительностью классической гносеологии. Практически все европейские философы, начиная с Платона, размышлявшие о человеческом познании, использовали главным образом интроспективно-психологические, рефлексивные и логические методы и не проводили конкретно-научного обоснования своих умозрительных гипотез. Собственно говоря, послед-

нее не могло быть осуществлено из-за неразвитости отдельных наук, в том числе и биологии. Тем большую ценность, с учетом всего сказанного, приобретает попытка К. Лоренца применить основные положения биологической теории эволюции для анализа такого сложного феномена, каким является человеческое познание.

После появления указанной статьи К. Лоренца, кстати, не получившей своевременного и достойного ее новаторской ценности отклика, эволюционные идеи время от времени использовались для осмысления человеческого познания и психики⁵, однако, как направление эволюционной теории познания начала формироваться с начала 70-х годов. Именно в это время, во-первых, появился ряд основополагающих работ, содержащих достаточно развернутую исследовательскую программу⁶, и, во-вторых, К. Лоренц объединил своих единомышленников и учеников в так называемый Альтенбергский кружок (от названия города Альтенберг под Веной). Проведенный в 1986 г. в Вене международный симпозиум, посвященный эволюционной теории познания, представлял собой, с одной стороны, как бы своеобразный итог многолетнего развития этой теории, поскольку еще раз высветил значимые для этой теории и решаемые в ее рамках проблемы, сформулировал существующие затруднения и достигнутые результаты, а с другой стороны,— выявил ее перспективы⁷.

В последние годы представители эволюционной теории познания переосмысливают всю интересующую их проблематику с учетом результатов современных научных дисциплин и теорий, в том числе синтетической теории эволюции, новейших разделов физики и астрофизики, палеонейробиологии и психологии, теории систем, синергетики и др. Вместе с тем обнаруживается стремление переосмыслить также и историю возникновения и формирования эволюционной теории познания, выявить ее теоретические истоки, выяснить отношение к своим предшественникам в деле исследования познавательного аппарата человека⁸. При этом представители эволюционной теории познания подчеркивают особую роль кантовской проблематики в их изысканиях. Не случайно поэтому, что существует потребность в прояснении отношения эволюционной теории познания к учению о познании И. Канта. Среди множества работ последних лет в этой связи выделяются работы, например, Г. Фоллмера и Э. М. Энгельс, содержащие в себе целые разделы, посвященные указанному соотношению⁹.

Чтение трудов И. Канта, содержащих его воззрения на сущность, природу человеческого познания, механизмы его осуществления и параллельно-новейших исследований этих вопросов в русле интересующего нас здесь междисциплинарного направления, размышление над ними показывает, что тема, сформулированная в названии данной статьи,— «И. Кант и эволюционная

теория познания» — достаточно обширная и глубокая по своему содержанию. О сказанном свидетельствует и тот факт, что Г. Фоллмер в результате достаточно тщательного анализа этого соотношения выявляет около трех десятков позиций для их сравнения и сводит их, кстати, в единую, легко обозримую таблицу¹⁰.

Таким образом, одним из этапов исследования темы «И. Кант и эволюционная теория познания» может быть рассмотрение тех аспектов соотношения двух теоретико-познавательных систем, которые выявили сами творцы новейшей из этих систем. Сформулируем теперь кратко, вслед за Г. Фоллмером, подлежащие, безусловно, дальнейшему научному и философскому анализу многочисленные аспекты соотношения учения о познании И. Канта и эволюционной теории познания и одновременно установим сходство и различие подходов к ним в обеих теоретико-познавательных системах.

Прежде всего Г. Фоллмер полагает, что кантовская теория познания носит статический характер, а представляемая им теория, т. е. эволюционная теория познания, — динамический. Обоснованна ли такая характеристика? Разумеется, ответ на этот вопрос можно дать только лишь после проведения специального анализа той и другой теории, но кратко можно ответить на этот вопрос утвердительно, по крайней мере, в том смысле, в каком это делает Г. Фоллмер. Дело в том, что И. Кант, исследуя человеческое познание, в частности познавательные способности человека, исследовал, главным образом, рассматривал детально их структуру, свойства, констатируя существование априорных форм чувственности и мышления, выясняя их функции в познавательном процессе. Однако он не ставил и не решал вопроса о происхождении и историческом развитии познавательных способностей, что вполне объяснимо из уровня развития науки того времени. Поэтому именно то обстоятельство, что И. Кант не перевел гносеологическую проблематику в историко-эволюционную плоскость, позволяет оценивать его взгляды на познание как статичные, не забывая при этом, что благодаря многочисленным «вкраплениям» идеи развития, эти взгляды содержали в себе как бы зародыш нового — динамического — подхода к познанию. Можно в известном смысле слова согласиться с Г. Фоллмером, что эволюционная теория познания в силу активного и отчетливого применения в ней идеи развития является одной из динамических версий познавательного процесса.

Далее, большое внимание Г. Фоллмер уделяет сопоставлению объектов теоретико-познавательных исследований, проведенных И. Кантом и представителями эволюционной теории познания, выявляет особенности этих теорий в этом отношении. Следует подчеркнуть, что проблема объекта теории познания, точно так же, как и любой другой — научной и философской — теории, важна и принципиальна, поскольку ее решение является предварительным условием решения всех остальных проблем.

Г. Фоллмер полагает, что И. Кант, подобно своим предшественникам — европейским философам, рассматривает познавательные процессы, протекающие лишь у «нормального, взрослого, образованного европейца». С этим утверждением невозможно не согласиться, ибо для его обоснования достаточно обратиться как к работам И. Канта, так и к трудам Платона, Ф. Бэкона, Р. Декарта, Б. Спинозы, Д. Локка, французских материалистов и других представителей классической европейской философии. Учитывая это обстоятельство, следует признать справедливым также и другое утверждение Г. Фоллмера — утверждение о существовании серьезного противоречия между признаниями традиционной теории познания на всеобщность, с одной стороны, и достаточно ограниченным ее объектом, с другой. Действительно, докантовская и кантовская теории познания упустили, разумеется неосознанно, целый ряд важных для полноценной, всеохватывающей теории познания моментов. Рассмотрим эти неучтенные классической, а также и кантовской теорией познания аспекты, касающиеся объекта исследования.

Во-первых, существует множество когнитивных различий у существ, принадлежащих к единой популяции — человеческой. В отличие от привычного для гносеологов среднестатистического, как бы идеализированного субъекта, реально, по утверждению Г. Фоллмера, существует многообразие его вариаций: начиная от психически неполноценных (дебилов, идиотов и т. п.), когнитивно неполноценных (слепых, глухих, немых и т. п.), кончая высокоодаренными людьми в одной или нескольких областях и гениями. Таким образом, гносеолог должен был бы учитывать весь спектр познавательных отношений людей к миру, не сводимый полностью к вырабатываемому на протяжении многих веков стандарту. То обстоятельство, что все когнитивные отклонения, как благоприятные, так и неблагоприятные, присущи именно человеку, позволяет рассматривать их в качестве именно человеческого (а не животного или машинного, например), познания. И тогда все указанные модификации познания должны быть в поле зрения гносеолога. Очевидно, что преодоление указанной ограниченности объекта традиционной, в том числе и кантовской, теории познания, может быть осуществлено лишь с привлечением данных комплекса нейробиологических наук, психиатрии, психологии, как общей, так и психологии творчества, и др.

Кроме того, по мнению Г. Фоллмера, не было учтено многообразие познавательных процессов, протекающих специфическим образом у представителей различных культур, рас, цивилизаций. И это опять-таки неудивительно: соответствующие науки — антропология, этнография и т. п. получили свое развитие главным образом в послекантовский период.

Еще одна особенность кантовской, как и всей классической

европейской, гносеологии,— это то, что рассматриваемый в их рамках субъект познания носил не только внепространственный, но и вневременной характер. Иначе говоря, субъекты познания в этих теориях не рассматривались существующими на разных этапах развития человеческого общества. Отмечая этот недостаток, необходимо помнить о сравнительно позднем возникновении таких наук, способных поставить эмпирический материал для осмысления, как археология, историческая этнография, а также — и о трудностях реконструкции духовной жизни, в том числе познавательной деятельности, народов, когда-либо живших на земле в прошлом.

Далее, вне кантовской гносеологии, по замечанию Г. Фоллмера, оказалась онтогенетическая динамика познавательных процессов и способностей, т. е. они не рассматривались в достаточной мере на разных возрастных этапах жизни человека. И, напротив, в настоящее время накоплен большой материал по когнитивному развитию детей в рамках так называемой возрастной психологии или генетической психологии, разработанной тщательно, скажем, Ж. Пиаже.

И последняя ограниченность объекта кантовской гносеологии, отмеченная Г. Фоллмером,— это преимущественное рассмотрение познавательных процессов, протекающих у образованного (по европейским стандартам) человека. Более того, можно утверждать, что объектом внимания европейских философов, в том числе и И. Канта, были не просто образованные люди, а ученые, философы, точнее, то, каким образом все они познавали мир. Нельзя в связи с этим не отметить такого явного факта, что теория познания, по большей своей части, особенно, начиная с Нового времени, была методологией научного познания.

Таким образом, и последняя ограниченность традиционной гносеологии — стремление рассматривать познавательные процессы, протекающие у, если так можно выразиться, интеллектуальной элиты, опять-таки препятствует ее претензии быть общей теорией познания.

Наконец, в кантовской теории познания отсутствует рассмотрение эволюции когнитивных способностей от животных до человека — их филогения. И этот пробел в настоящее время восполним с учетом данных комплекса неизвестных И. Канту научных дисциплин: эволюционной психологии, палеопсихологии, зоопсихологии, этологии и т. п.

Перечисленные здесь аспекты проблемы объекта теоретико-познавательных исследований, либо вовсе упущенные, либо недостаточно рассмотренные в рамках докантовской и кантовской гносеологии, учитываются, более того, входят существенной частью в эволюционную теорию познания. По заключению Г. Фоллмера, в сферу последней теории вовлекаются все возможные субъекты познания, обладающие разнообразными когнитивными

способностями и возможностями: исторически более ранними и современными, животными и человеческими, естественными и искусственными, земными и внеземными.

Заметим, что преодоление в эволюционной теории познания указанных ограничений прошлых теорий познания, не означает еще полного отрицания необходимости идеализированного субъекта в гносеологии. На определенных этапах и в определенных ситуациях такая идеализация не только объяснима уровнем развития специально-научных дисциплин, но даже в известном смысле необходима, более того плодотворна для осмысления познания. Такого рода идеализации, фиксирующие как бы «среднестатистические» объекты, выполняют функции нормы, эталона, своеобразного ключа для объяснения всех отклоняющихся от установленного стандарта вариантов — это характерно для всех научных теорий. Точно так же и выработанный в ходе длительного развития европейской гносеологии (включая кантовскую) образ идеализированного, абстрактного субъекта выполняет определенные эвристические функции в исследовании разнообразных субъектов познания. Одновременно преодолеваются и негативные последствия длительного господства нормативного представления о субъекте познания как о «нормальном, взрослом, образованном европейце» — пренебрежительное отношение европейских мыслителей к познавательным процессам, протекающим у неевропейских представителей человеческого рода, а также у людей с дефектами познавательного аппарата, их недооценки.

Вовлечение богатого эмпирического материала, накопленного многочисленными науками о различных когнитивных процессах и системах, не совпадающих со стандартами, нормативными представлениями, в теорию познания, не является, бесспорно, самоцелью. Обобщение этого материала — это всего лишь переходный, пусть необходимый, но все-таки предварительный этап дальнейшего развития гносеологии.

К рассмотренному аспекту соотношения теории познания И. Канта и эволюционной теории познания примыкает также и другой, выявленный Г. Фоллмером, вопрос — вопрос об отношении к многообразию и динамике когнитивных систем. Как следует из всего предшествующего рассмотрения и с точки зрения Г. Фоллмера, для И. Канта все эти системы не имеют отношения к теории познания, в то время как эволюционная теория познания как раз и занимается изучением многообразных и динамичных элементов познавательного аппарата человека, более того, именно эти элементы составляют сущность нового направления.

Сравнивая далее две теоретико-познавательные системы, Г. Фоллмер подчеркивает, как представляется, справедливо, что программный вопрос гносеологии И. Канта — это вопрос о должном, т. е. как бы об идеальном познании, иначе говоря, о том,

каким должно быть человеческое познание. Эволюционная теория познания, по его мнению, занимается не только и не столько должным, нормативным в познании, но и реальным, фактическим. Разумеется, такая особенность новой теории тесно связана со спецификой ее объекта, вытекает из этой специфики.

Сравнение функций, выполняемых сопоставляемыми здесь теориями, приводит Г. Фоллмера к заключению о том, что учение И. Канта, помимо нормативной, выполняет еще и экспликативную, а эволюционная эпистемология, кроме этих двух, — еще и дескриптивную.

Важным аспектом сопоставления интересующих нас здесь теорий выступает вопрос о затрагиваемой в той и другой проблематике. К числу основных проблем кантовской гносеологии Г. Фоллмер относит проблемы истины, значения, оправдания, объективности. Эволюционная теория познания, кроме перечисленных, традиционных для европейской гносеологии, проблем ставит и решает также и вопросы возникновения как самой познавательной деятельности человеческого типа, так и обеспечивающих эту деятельность познавательных способностей, точнее, совокупность такого рода способностей — своеобразного познавательного аппарата человека. Существует проблема не только возникновения этого аппарата, но также и исторического его развития. Необходимость и значимость постановки и решения указанных проблем представители эволюционной теории познания усматривают в том, что как само познание, так и сформировавшийся в процессе органической и культурной эволюции человечества познавательный аппарат являются факторами выживания человека, обеспечивающими его жизнедеятельность.

Используемые для решения обозначенных проблем И. Кантом и представителями эволюционной теории познания методы, по мнению Г. Фоллмера, различаются в том отношении, что в последней теории, помимо анализа, реконструкции, рефлексии (как и у И. Канта), применяются и эмпирические исследования.

Следующий аспект соотношения двух теорий связан с уже отмечавшимся здесь междисциплинарным характером эволюционной эпистемологии. Об ее явной междисциплинарности свидетельствует уже то, что у ее истоков находились заметные ученые — представители различных научных направлений и дисциплин: физики (Г. Гельмгольц, А. Пуанкаре, Э. Мах), биологи (Э. Геккель, Л. фон Бергаланфи, К. Лоренц), психологи (Ж. Пиаже, Д. Т. Кэмпбелл, Е. Н. Леннеберг), антропологи (К. Леви-Стросс), лингвисты (Дж. Кэти, Н. Хомский), философы (Ф. Ницше, Г. Спенсер, Ч. С. Пирс, Ф. К. Шиллер, Б. Рассел, К. Поппер). Надо заметить, что круг вовлекаемых в сферу эволюционной теории познания наук в последние годы, на последних этапах ее развития продолжает расширяться.

По мнению Г. Фоллмера, если И. Кант отдавал предпочтение и преимущество философской теории познания, то в насто-

ящее время эта теория и фактические научные знания о познавательной деятельности составляют плодотворное, самокоррегирующееся единство.

Анализируя отношение И. Канта и представителей эволюционной эпистемологии к самой эволюционной идее, к возможности ее применения для объяснения органического мира, Г. Фоллмер отмечает, что, если И. Кант считал ее привлекательной, но не подтвержденной, то в эволюционной теории познания она считается не только правильной, но и обладающей объясняющей силой.

Существует большая связка вопросов для сопоставления двух интересующих нас теорий, связанных с кантовской проблемой априоризма: вопросы о существовании врожденных и априорных познавательных структур, о происхождении категориальных форм, а также и о том, почему познавательный аппарат человека именно таков, каков он есть, а не иной, могут ли существовать иные когнитивные системы и осуществима ли коммуникация с последними, возможно ли понимание этих иных когнитивных систем. Сравнивая кантовские теоретико-познавательные воззрения со взглядами представителей эволюционной теории познания в этом отношении, Г. Фоллмер устанавливает, во-первых, что И. Кант отрицал существование врожденных познавательных структур (в его работах отсутствует соответствующее понятие), хотя вместе с тем признавал существование врожденных диспозиций. В отличие от кантовской теории, в эволюционной эпистемологии говорится о существовании врожденных структур в смысле генетически обусловленной информации о реальном мире.

Что касается априорных познавательных структур, то Г. Фоллмер подчеркивает, что и у И. Канта, и в эволюционной теории познания эти структуры признаются независимыми от индивидуального опыта человека, но в последней они интерпретируются как априорные в онтогенетическом смысле. И. Кант рассматривает априорные структуры в качестве независимых от любого опыта, в эволюционной эпистемологии они выступают одновременно апостериорными в филогенетическом смысле. Их расхождение существует также и в оценке априорных познавательных форм с точки зрения их необходимости и всеобщности. И. Кант, как известно, не сомневался, более того, отчетливо говорил об этой необходимости и всеобщности. В эволюционной теории познания и то, и другое отрицается на том основании, что априорные формы познания проистекают, хотя из коллективного, но все-таки ограниченного человеческого опыта, а опытное познание полагается в ней гипотетичным, следовательно, не необходимым и не всеобщим.

Если, далее, вопрос о существовании категориальных форм в обеих теоретико-познавательных системах, по мнению Г. Фоллмера, решается одинаково утвердительно, то вопрос о проис-

хождении этих форм — различно. Конкретнее говоря, этот вопрос, по представлению Г. Фоллмера, И. Кант считает круговым (поскольку для его решения применяются те же самые категории, которые и требуется объяснить), бессмысленным, не нужным и, следовательно, оставляет его без ответа. В эволюционной теории познания этот вопрос считается вполне разумным, осмысленным, вполне относящимся к гносеологии.

На вопрос о том, почему существуют именно такие, а не иные когнитивные структуры, у И. Канта не содержится никакого ответа, в то время, как в эволюционной теории познания эти структуры обосновываются в ходе эволюционного процесса как пригодные, полезные, как адекватные для человеческого выживания (*überlebensadäquat*)¹¹. Отвечая положительно на вопрос о существовании других познавательных систем, И. Кант вместе с тем не дает никакого представления об их использовании и коммуникации с ними, о возможности их понимания. В рамках эволюционной теории познания не только признается реальное существование иных — естественных и искусственных — познавательных аппаратов, но и признается возможность коммуникации с ними, возможность их понимания только лишь через объективные (а не субъективные) структуры.

Кроме перечисленных аспектов сравнения гносеологии И. Канта и эволюционной теории познания, Г. Фоллмер выявляет еще целый ряд позиций, касающихся как научного познания, так и основополагающих философских проблем.

Что касается отношения к наиболее развитым во времена И. Канта наукам — физике и математике, то Г. Фоллмер отмечает, например, различие разбираемых здесь теорий в отношении к физике И. Ньютона: если И. Кант оценивает эту физику как истинную, то в эволюционной теории познания она считается гипотетичной, недостаточной и даже ложной.

Далее, И. Кант, по мнению, Г. Фоллмера, считает возможным и реально существующим совершенное знание, например, в чистой математике и чистом естествознании. Представители же эволюционной теории познания отрицают существование такого знания, считая его невозможным.

Г. Фоллмер полагает, что И. Кант признает применимость математики для описания реального мира тривиальным способом, в то время как в эволюционной теории познания эта применимость оспаривается, по крайней мере считается проблематичной в силу отсутствия у нее необходимости и универсальности. К этому же вопросу примыкает вопрос об евклидовой геометрии, которую И. Кант считал не только применимой для каждого пространственного опыта, но даже и конститутивной для него. Одновременно он полагал невозможность неевклидова пространственного опыта. Представители эволюционной теории познания считают евклидову геометрию приблизительной и локальной (в их терминологии — мезокосмической, т. е. примени

мой лишь для мира средних, соизмеримых с человеческими, размеров), перестающей действовать в астрофизике и космологии.

Кантовский вопрос о существовании трансцендентальных (конституирующих познание) структур, обязательных для всего познания, включая научно-теоретическое, решается в эволюционной эпистемологии следующим образом: эти структуры обязательны для мезокосмического опыта, ограниченного, а не всеобщего.

Наконец, такие ключевые кантовские вопросы, какими являются вопросы обоснования объективности познания и его результатов, интерсубъективности познавательных процессов, познаваемости реального мира, каузальной интерпретации связи реальных событий, также переосмысливаются в эволюционной теории познания.

Так, если объективность познания проистекает, по И. Канту, из так называемых «объектов для нас», то для представителей разбираемой современной версии познания, согласно Г. Фоллмеру, — из самого реального мира.

Интерсубъективность познания объясняется у И. Канта, как известно, посредством введения в теорию познания трансцендентального Я, в эволюционной эпистемологии — частичной изоморфностью человеческого познавательного аппарата, основывающейся на общем филогенетическом происхождении.

Различие в решении фундаментального философского вопроса о познаваемости реального мира проявляется в том, что И. Кант приходит к выводу о непознаваемости этого мира (у И. Канта — *Ding an sich*), представители эволюционной теории познания говорят об его частичном и гипотетичном познании.

И, наконец, последнее сопоставление кантовской и эволюционной гносеологии касается их общей оценки. Так, в целом кантовское учение о познании оценивается как антропоцентрическое и поэтому, следовательно, антикоперниканское. Эволюционная теория познания, по мнению Г. Фоллмера, устраняет антропоцентричность и в этом смысле может рассматриваться в качестве коперниканского переворота в гносеологии¹².

Таким образом, последовательное вычленение, перечисление и краткое рассмотрение тех позиций, по которым возможно сопоставление кантовского и эволюционного учения о познании, показывает сходство и различие этих учений. Можно было обнаружить также и достаточно отчетливо выраженную философскую проблематику, очерченную еще в свое время И. Кантом и подвергающуюся в настоящее время в рамках эволюционной теории познания активному переосмыслению. Представляется, что эволюционная эпистемология как живая, интенсивно развивающаяся научно-философская дисциплина содержит в себе большой потенциал, который при соответствующей интерпретации

будет способствовать дальнейшему постижению сущности сложнейшего явления — человеческого познания.

¹ Название «эволюционная теория познания» — «evolutionäre Erkenntnistheorie» закрепилось в немецкоязычных странах, в англоязычных, в соответствии с терминологическими традициями, у этой теории иное название — «эволюционная эпистемология» — «evolutionary epistemology». Эти названия по самой своей сути идентичны. Что же касается самого термина «эволюционная теория познания», то он был введен в 1974 году Д. Т. Кэмпбеллом (см.: Campbell D. T. (ed.). La Salle, 1974. P. 413—463). Evolutionary epistemology//Philosophy of K. R. Popper. Schilpp P. A.

² Краткое упоминание об этом направлении эволюционной теории познания см.: Черткова Е. Л. Эволюционная эпистемология//Современная западная философия: Словарь. М., 1991. С. 384—385.

³ Философское наследие К. Лоренца также подлежит еще осмыслению, как и его вклад в теорию познания. Это наследие представлено такими трудами, как: Lorenz K. Die acht Todsünden der zivilisierten Menschheit. München, 1973; Die Rückseite des Spiegels. München; Zürich, 1973; Der Abbau des Menschlichen. München; Zürich, 1983. О вкладе К. Лоренца в теорию познания см.: Engels E. M. K. Lorenz, der Altmeister der Evolutionären Erkenntnistheorie in unserem Gahrhundert//Erkenntnis als Anpassung? Eine Studie zur Evolutionäre Erkenntnis theorie. Frankfurt am Main, 1989. S. 42—46; также Гороховская Е. А. К. Лоренц//Современная западная философия: Словарь. С. 162—163.

⁴ Lorenz K. Kants Lehre vom apriorischen im Lichte gegenwärtiger Biologie//Blätter für Deutsche Philosophie. 1941. N 15. S. 94—125. Данная статья была воспроизведена: Die Evolution des Denkens. Lorenz K., Wuketits F. (Hgg. München; Zürich, 1983. S. 95—124. Под этим же углом зрения кантовская проблема априоризма рассматривалась в еще одной ранней работе К. Лоренца: Lorenz K. Die angeborenen Formen möglicher Erfahrung//Zeitschrift für Tierpsychologie. 1943. N 5. S. 235—409.

⁵ В 50—60-е годы появились работы таких крупных исследователей, как Д. Т. Кэмпбелл, Ж. Пиаже, содержащие идеи эволюционной теории познания (см., например: Campbell D. T. Methodological suggestions from a comparative psychology of knowledge process//Inquiry. 1959. N 2. S. 152—182; Piaget J. Introduction a l'Epistemologie Genetique. Paris, 1950. Tome I.

⁶ См., например: Monod J. Zufall und notwendigkeit. München, 1971; Shimony A. Perception from an evolutionary point of view//Journal of philosophy. 1971. V. 68. P. 571—583; Popper K. Objektiv Erkenntnis. Hamburg, 1973; Lorenz K. Rückseite des Spiegels. München, 1973; Campbell D. T. Evolutionary epistemology//The philosophy of K. R. Popper. Schilpp P. A. (Hrsg). Lasalle, 1974.

⁷ Материалы симпозиума: доклады, выступления, комментарии и дискуссии представлены в кн.: Die evolutionäre Erkenntnistheorie. Bedingungen. Lösungen. Kontroversen. Riedle R., Wuketits F. (Hrsg). Berlin; Hamburg, 1987.

⁸ См., например: Vollmer G. Evolutionäre Erkenntnistheorie. Stuttgart, 1987. S. 177—189; 211—214.

⁹ См.: Vollmer G. Kant and evolutionary epistemology//International Wittgenstein symposiums. Kirchberg, 1982. Wien, 1983; Vollmer G. Kant und evolutionäre Erkenntnistheorie//Vollmer G. Können wir wissen? Band I. Die natur Erkenntnis. Stuttgart, 1985. S. 166—216; Vollmer G. Kant und evolutionäre Erkenntnistheorie//Vollmer G. Was können wir wissen? Band II. Erkenntnis der Natur. Stuttgart, 1986. S. 42—43; Vollmer G. Angeborene Strukturen und Kantisches apriori//Vollmer G. Evolutionäre Erkenntnistheorie. S. 126—131; Engels E. M. Die Kant-Intirpretation der evolutionären Erkenntnistheorie//Engels E. M. Erkenntnis als Anpassung? S. 341—374.

¹⁰ См.: Vollmer G. Was können wir wissen? Band I. Die Natur der Erkenntnis. S. 213—215.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Кроме этого, о значении эволюционной теории познания как об коперниканском перевороте в гносеологии см. также: Vollmer G. Evolutionäre Erkenntnistheorie. S. 110, 170—172; Engels E. M. Erkenntnis als Anpassung? S. 252, 341, 373, 449.

Кант и формирование идеи правового государства в первой половине XIX века в Германии

Ю. Я. БАСКИН

(Политологический институт, Санкт-Петербург)

Теория правового государства, приобретая за последние годы столь большое значение для нашей страны, уходит своими корнями в предшествующие столетия. Ее отдельные элементы начали складываться уже к концу XVI — начале XVII в., а свою четкую формулировку она получила в XVIII в. Тогда же стало ясно, что главный и первый принцип правового государства — это принцип юридического закрепления взаимных прав и обязанностей его граждан и самого государства. Неоценима в этом отношении заслуга И. Канта, которого, при всех дискуссиях и разночтениях о роли его предшественников, справедливо считают основателем собственно теории правового государства¹. Широко известно Кантово определение: «Государство (civitas) — это объединение множества людей, подчиненных правовым законам» (4(2)233). На первый взгляд оно не так уж и отличается от тех, которые давались ранее. Кант не первый выдвинул идею о внутренней связи государства и права. Мы находим ее зачатки уже у Цицерона, не говоря о более близких Канту философах и юристах. В чем же тогда основная заслуга Канта? Она заключается в том, что теория правового государства основана у него на идее категорического императива и поэтому означает не просто соблюдение гражданами и государственными органами действующих юридических норм, но и их соответствие праву как мере свободы. Кант одним из первых выдвинул и обосновал мысль о равенстве отдельного гражданина и государства в качестве субъектов правовых отношений. Вот ключевая для нас формулировка: «Категорический императив, который вообще выражает лишь то, что есть обязательность, гласит: поступай согласно максиме, которая в то же время может иметь силу всеобщего закона! — Следовательно, свои поступки ты должен сначала рассмотреть, исходя из субъективного основоположения; но значимо ли также объективно это основоположение — это ты можешь узнать лишь по тому, что, так как твой разум испытывает его: можешь ли ты благодаря ему мыслить себя в то же время устанавливающим всеобщие законы, это основоположение может оказаться пригодным в качестве такого всеоб-